

Т.М. ГОРДЕЁНОК

**ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РОМАНА К. ХАЙНА «САД В ЕГО РАННЕМ ДЕТСТВЕ»**

Имя немецкого писателя Кристофа Хайна (*Christoph Hein*, род. 1944, Хайцендорф / Силезия) хорошо знакомо читательской аудитории в Германии и за ее пределами, его творчество отмечено многочисленными наградами, среди которых можно выделить премию имени Лессинга (1989, ГДР), литературные премии Берлина (1992) и Солотурна (2002, Швейцария), Австрийскую государственную премию за достижения в области европейской литературы (2002). Перу К. Хайна принадлежат романы, рассказы, пьесы, стихотворения, он известен также как эссеист и переводчик. Популярность писателю принесла повесть «Чужой друг» (*Der fremde Freund*, 1982), которая в ФРГ была опубликована под заголовком «Кровь дракона» (*Drachenblut*). Затем вышли в свет романы «Смерть Хорна»¹ (*Horns Ende*, 1985) и «Аккомпаниатор» (*Der Tangospieler*, 1989), окончательно закрепившие за К. Хайном славу одного из самых значительных писателей ГДР. После объединения Германии писатель продолжает активно работать, результатом его творческих поисков стали романы «Игра в Наполеона» (*Das Napoleon-Spiel*, 1993), «С самого начала» (*Von allem Anfang an*, 1997), «Вилленброк» (*Willenbrock*, 2000), «Захват земли» (*Landnahme*, 2004), «Сад в его раннем детстве» (*In seiner frühen Kindheit ein Garten*, 2005), «Фрау Паула Труссо» (*Frau Paula Trousseau*, 2007). Произведения К. Хайна переведены на 35 языков, в том числе, на русский², творчество писателя привлекает внимание критиков и литературоведов³.

К. Хайна вполне обоснованно называют писателем-хроникером, который пристально следит за развитием страны (сначала ГДР, а затем и объединенной Германии) и раскрывает через описание быта и нравов изъяны немецкого общества. Прозе К. Хайна присущи следование документальным фактам, убедительность и лаконичность, но вместе с тем писатель оставляет за собой право выражать свою личную позицию по отношению к происходящему. Он пишет: «Я – хроникер, без сомнения, очень субъективный, несомненно, со своим собственным мировоззрением, но, по сути дела, я сообщаю только кое-что о себе, о моем отношении к миру, даю очень субъективный отчет» [4, с. 18]. В своих новейших романах писатель показывает, чем живет современный человек, как бьется его пульс в атмосфере всеобщей отчужденности, в условиях бедности, безработицы и террористических актов.

Так, в романе «Захват земли» рассказывается о судьбе беженца, столкнувшегося на новой родине с открытой враждебностью окружающих. В интервью журналу «Шпигель» К. Хайн говорит: «Ребенком-беженцем он (Бернхард Хабер, главный герой романа. – Т. Г.) прибывает в ту Германию, где ни у кого нет достатка и где отвергают таких людей, как он, – людей, у которых нет вообще ничего. Сегодня, через 50 лет после войны, эта ситуация нисколько не изменилась: несмотря на то, что все мы намного богаче, чем в 1945 году, мы отвергаем приезжающих людей» [5].

В романе «Фрау Паула Труссо» писатель повествует о художнице, которая борется за право на самоопределение в жизни и искусстве. Создавая глубокие психологические портреты, изображая мельчайшие события в их взаимодействии и взаимосвязи, К. Хайн демонстрирует, как бескомпромиссное стремление к самореализации привело талантливую эмансипированную женщину к духовному фиаско. И.В. Гладков отмечает: «Все творчество Хайна есть <...> единая система, элементы которой вступают в диалогические отношения» [3, с. 9]. Подтверждение данной мысли, пожалуй, наилучшим образом дает вышеупомянутый роман, который предоставляет богатый материал для типологических сравнений. Прежде всего, невозможно не обратить внимания на внутреннее родство между Паулой и главной героиней повести «Чужой друг» Клаудией. Обе женщины отличаются сильным характером, обе отгораживаются стеной от окружающего общества и «консервируют» свои чувства в непроницаемой для воздействия извне оболочке, убеждая себя в том, что у них все в порядке. В данных произведениях К. Хайн не снимает с главных героинь вины за происходящее, для него как писателя-хроникера решающее значение имеет сбор и анализ фактов, позволяющих пролить свет на глубинные механизмы человеческой психики. При этом четко вырисовываются мотивы, столь часто встречающиеся и в других текстах К. Хайна: предательство, которое остается психологической травмой на всю жизнь, мучительная тоска по любимому человеку, потеря душевной теплоты.

¹ Крупный немецкий литературовед В. Эммерих называет три романа, которые явили собой произведения «нового мышления» в литературе ГДР: «Новое благодствие» (*Neue Herrlichkeit*, 1984) Г. де Бройна, «Роман о Хинце и Кунце» (*Hinze-Kunze-Roman*, 1985) Ф. Брауна и «Смерть Хорна» К. Хайна [1, с. 268].

² К их числу относятся романы «Чужой друг», «Смерть Хорна», «Аккомпаниатор», «Вилленброк».

³ В России наиболее значимыми исследованиями творчества Хайна являются работы А.Р. Валеевой [2] и И.В. Гладкова [3].

Автор остается верным себе и в манере повествования. Его язык точен, порой даже сух, некоторые описания предельно детализированы, что негативно оценивается рядом критиков. Вместе с тем в отношении последнего романа известный немецкий литературовед М. Людке пишет: «"Фрау Паула Труссо" – это не только обширная по объему (*umfangreich*), но прежде всего богатая идеями (*reich*) книга (курсив мой. – Т. Г.). Это лучшее, что до сих пор написал Кристоф Хайн» [6].

Следует отметить, что творчество К. Хайна никогда не воспринималось литературным сообществом однозначно, выход в свет каждого произведения писателя сопровождался как восторженными, так и отрицательными отзывами. Однако наибольший поток критики пришелся на долю романа «Сад в его раннем детстве», в котором К. Хайн излагает историю РАФ-террориста Оливера Цурека. Среди недостатков произведения называются «неторопливость и монотонность» стиля (*Die Zeit*), «деревянные диалоги» и «безжизненный псевдореализм» (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*), а швейцарская немецкоязычная газета «*Neue Zürcher Zeitung*» пошла еще дальше, обвинив К. Хайна в создании литературной халтуры (*haarscharfes Schrammen am Kitsch*). В чем же кроются причины столь нелестных отзывов? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к содержанию романа.

В произведении рассказывается о смерти Оливера Цурека и борьбе его родителей с государственными органами за достоверное расследование обстоятельств гибели их сына на вокзале в городке Бад-Кляйнен. Согласно официальной версии Оливер застрелился во время операции по уничтожению террористической группировки, активным членом которой он являлся. Однако родители и друзья молодого человека придерживаются мнения, что Оливер стал жертвой преднамеренного убийства и требуют продолжения следственного разбирательства.

Представленная в романе проблематика – борьба с терроризмом и как результат вторжение государства и прессы в личную жизнь простого человека – содержит в себе аллюзию на повесть Г. Бёлля «Потерянная честь Катарины Блум, или Как возникает насилие и к чему оно может привести» (*Die verlorene Ehre der Katharina Blum oder Wie Gewalt entstehen und wohin sie führen kann*, 1974). Благодаря созданию «вертикального контекста» К. Хайн не только раздвигает временные рамки и расширяет культурное пространство текста, но и дает понять, что за прошедшие годы ситуация в немецком обществе не подверглась существенным изменениям.

Формально роман разделен на 23 главы, вместе с тем его структура лишена четкости. Можно сказать, что К. Хайн в своем романе «сводит» воедино три смысловые части, а само повествование «растается» по нескольким уровням, где без соблюдения хронологической последовательности представлены события из жизни одного семейства.

В первой части, охватывающей пятилетний отрезок времени, описывается жизнь родителей Оливера после смерти сына. Отец, Рихард Цурек, бывший директор гимназии, никак не может примириться с понесенной утратой. Он говорит: «Я размышляю об этом каждый день. Уже пять лет. Каждый день я думаю о нем»⁴ [7, с. 13]. Рихард Цурек не бездействует: он ежедневно покупает кипы газет и журналов, тщательно изучает всю напечатанную информацию о своем сыне, а затем вырезает и сортирует материал по папкам. Лишь собрания совета церковной общины вносят некоторое разнообразие в жизнь уединенно живущего пенсионера, во всем прочем внимание Рихарда Цурека сфокусировано исключительно на деле Оливера и хитросплетениях процедуры дознания. В привычку пожилой четы входит просмотр вечерних новостей, которые могут принести новую информацию. Однако каждый раз Рихард Цурек с горечью произносит одну и ту же фразу: «*Amici, diem perdidit*»⁵, выражая тем самым свое разочарование по поводу бесплодности питаемых им надежд. В конце концов, бывший директор гимназии, всю жизнь объяснявший своим ученикам, что государство стоит на страже законности и призвано защищать права граждан, решает написать письмо министру, в котором просит разъяснить причины отставки последнего и гарантирует ему со своей стороны полную конфиденциальность.

Во второй части романа К. Хайн возвращает читателя к событиям, кардинально перевернувшим жизнь семейства Цуреков. Родители Оливера узнают о смерти сына, их преследуют журналисты, которые в охоте за «жареными» новостями ведут себя самым бесцеремонным образом. Положение усугубляется и тем, что супруги не могут получить достоверную информацию о действительных причинах гибели Оливера. Первоначально СМИ сообщили о том, что молодой человек был тяжело ранен в перестрелке, затем пришла весть о самоубийстве младшего Цурека, застрелившего перед этим сотрудника спецподразделения; далее стало известно, что Оливера ранили, а потом убили контрольным выстрелом в голову, в то время как полицейского настигла шальная пуля, выпущенная кем-то из его коллег. Результатом шумихи в прессе становится смещение с должностей министра внутренних дел и генерального прокурора. Общество взбудоражено, в некоторых городах проходят даже демонстрации траура и гнева. Однако власти не желают, чтобы террорист превратился в глазах народа в мученика, поэтому инициируется повторная

---

⁴ Здесь и далее перевод мой.

⁵ В переводе с латыни – «Друзья мои, я потерял день».

криминологическая экспертиза, которая отменяет заключение предыдущей. Согласно новым данным уже раненый Оливер Цурек «намеренно или по недосмотру упал навзничь на железнодорожный путь, падая, поднес пистолет к голове и нажал на спусковой курок. Смертельный выстрел произошел при падении, это следует из положения тела и правого предплечья, а также места нахождения оружия, что исключает версию самоубийства» [7, с. 94].

Необходимо отметить, что в основу романа положены реальные события. Прототипом Оливера Цурека является Вольфганг Грамс, леворадикальный активист, который принадлежал к третьему поколению «Фракции Красной Армии»⁶, действовавшему в Германии в 1980–1990-х годах. Как сообщается, 27 июня 1993 года специальным подразделением ГСГ–9⁷ федеральной пограничной охраны в Бад-Клайнене была проведена операция по задержанию Вольфганга Грамса и его сообщницы Биргит Хогефельд. В результате завязавшейся перестрелки погиб сам Грамс, а также сотрудник ГСГ–9 Михаэль Невжелла. В предисловии к речи Б. Хогефельд, представшей перед судом в 1996 году и приговоренной к пожизненному заключению, Г. Айххофф пишет: «Сотрудник погиб во время перестрелки, но выстрел, убивший Грамса, прозвучал через несколько секунд после того, как пальба стихла. Экспертиза показала, что этот выстрел был сделан в упор из пистолета Грамса. Прохожие видели, что, когда стрельба прекратилась, двое из ГСГ–9 склонились над лежащим без движения раненым Грамсом. Самоубийство или убийство? Вряд ли это когда-нибудь выяснится. Оба варианта не исключены» [8]. В этой связи возникает закономерный вопрос: почему правоохранительные органы не смогли восстановить картину происшедшего, если при проведении операции было организовано видеонаблюдение за вокзалом, установлена аппаратура для прослушивания, имелись свидетели? Этот вопрос волнует и К. Хайна. Он показывает в романе, что при расследовании дела Оливера со стороны правоохранительных органов имело место нарушение закона: исчезают вещественные доказательства, фальсифицируются факты, оказывается давление на очевидцев происшествия. Отец говорит: «...это намеренное, заведомо ложное изложение фактов. Свидетелей, которые наверняка видели убийство, порочат и притесняют. Причастных к делу сотрудников, несмотря на все уличающие их высказывания, защищают так, что это недостойно названия правового государства. И ни прокуратура, ни какие-либо другие компетентные органы не в состоянии сегодня, через три недели после смерти Оливера, официально сообщить нам, как умер мой сын» [7, с. 108]. Рихард Цурек не относится к категории людей, которые в слепой родительской любви готовы возложить вину на кого угодно, только не на своих заблудших детей. Не оправдывая Оливера и, более того, содрогаясь лишь от одной мысли, что его сын мог стать убийцей, бывший директор гимназии отстаивает свое право как гражданина демократического государства на непредвзятое расследование дела.

Вместе с тем К. Хайн не только обращает внимание немцев на социально-политические и правовые проблемы борьбы с терроризмом в Германии, но также анализирует психологические аспекты данного общественного явления. Автор пытается обозначить причины, которые приводят молодых людей в ряды террористов, ведь РАФ как организация выросла из пацифистских студенческих движений конца 60-х годов. Чтобы понять мотивы радикально настроенной молодежи, необходимо, следуя представлениям К. Хайна, взглянуть на окружающий мир ее глазами. Именно этот ракурс рассмотрения проблемы стал поводом для нападок со стороны некоторых литературных критиков, которые вменили писателю в вину, что он сочувствует террористам⁸. Как в этой связи не вспомнить то обстоятельство, что после публикации эссе «Чего хочет Ульрика Майнхоф – помилования или гарантий безопасности?» (*Will Ulrike Gnade oder freies Geleit?*, 1972) Г. Бёлля тоже причислили к разряду «симпатизантов» и развязали открытую травлю в ответ на отказ писателя принять на веру официальную версию о самоубийстве лидеров РАФ.

К. Хайн оставляет право искать причины вступления Оливера в ряды террористов за Рихардом Цуреком – стороной, безусловно, субъективной, но одновременно с этим и наиболее заинтересованной в правде. Отец, для которого этот вопрос становится поистине экзистенциальным, спрашивает себя: «Что я сделал не так?» [7, с. 122], ведь они с женой воспитывали своих детей в гуманистических традициях. Цурек должен найти ответ во что бы то ни стало, в противном случае ставится под сомнение не только система ценностей, на основе которой он выстроил всю свою жизнь, но и его профпригодность как учителя, пусть и находящегося на пенсии. Мужчина разговаривает с друзьями сына, изучает его письма и дневники, читает книги, которыми Оливер увлекался до ухода в подполье. В этом списке значились, например, работы Маркса, Грамши, Че Гевары, американских экономистов. Промежуточным итогом размышлений Цурека стал

⁶ Фракция Красной Армии (РАФ, RAF – нем. *Rote Armee Fraktion*) – террористическая организация городских партизан, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине. Основана в 1968 г. А. Баадером, У. Майнхоф, Г. Эннслин и др. История организации насчитывает четыре поколения. РАФ несет ответственность за серию убийств, банковских налетов, взрывов учреждений и покушений на высокопоставленных лиц. В 1998 г. было официально заявлено о самороспуске организации.

⁷ ГСГ–9 (GSG–9, нем. *Grenzschutzgruppe*) – девятая группа охраны границ.

⁸ См., например, рецензию Г. Бартельса для газеты «taz» от 28.01. 2005 г. [9].

вывод, что его сын попал под влияние «роковых друзей» [7, с. 111], а затем поддался магии книг и почерпнутых оттуда идей. Он говорит своей жене: «Это лирика, Рика, <...> чистая лирика <...>. Читается удивительно. Возвышенно и красиво, как письма коринфян. Чудесные слова о замечательном будущем мире. <...> Кто поддается этим словам, уже находится в состоянии блаженства. Это не террористы, это мечтатели и ничего больше» [7, с. 137].

В ходе повествования обнаруживается, что в семействе Цуреков, как и в обществе в целом, отсутствует единство мнений по отношению к ведущемуся делу. Дочь Кристин занимает резко осуждающую позицию, в то время как младший сын Хайнер, вставший на сторону брата, признается отцу, что в свое время и сам хотел стать членом РАФ, но Оливер запретил ему даже думать об этом. Из семейных дискуссий читатель узнает, что неразлучные в детстве Кристин и Оливер сначала отдаляются друг от друга, а затем полностью разрывают отношения. Дочь говорит отцу: «Он перешагнул линию, которая в нашей семье для всех нас была абсолютным табу. Он не должен был любить это государство, никто не обязан это делать. Ему не надо было нигде и никогда защищать его, он мог его ненавидеть, презирать <...>. Только одно ему не было позволено, а именно применять насилие. <...> Оливер принадлежал к банде убийц. Папа, если ты не отказываешься от всего, во что ты верил на протяжении жизни, если ты не хочешь сейчас попать все, чему ты десятилетиями учил учеников <...>, то ты не можешь теперь защищать своего сына. Не плюй самому себе в лицо, папа» [7, с. 78 – 79]. Однако недоверие Рихарда Цурека к официальному расследованию растет с каждым днем, и его не покидает мысль, что, несмотря на идейные разногласия с Оливером, он должен добиться правды, а значит и справедливости.

Примечательно, что имена собственные реализуют в романе, как в прочем и в более ранних произведениях⁹ писателя, свой богатый и разнообразный семантический потенциал. К говорящим фамилиям можно, например, отнести имя подруги Оливера, прототипом которой является уже упомянутая ранее Биргит Хогефельд. Имя «Катарина Блуменшлегер» несет в себе намек на главную героиню повести Г. Бёлля «Потерянная честь Катарины Блюм». Наряду с этим фамилия Zurek является диминутивом слова «Żur», обозначающего питательный суп в польской, силезской и чешской кухнях. В Силезии, а К. Хайн родился именно там, есть даже выражение: «*Ze żurą, chłop jak z tęgą*» (*От жура мужик крепок, как стена*) [10]. В свою очередь слово «Żur» восходит своими корнями к немецкому прилагательному «sauert» (кислый), которое помимо этого может в разных контекстах переводиться на русский язык как «недовольный, хмурый» или «трудный, тяжелый». Таким образом, фамилия Zurek емко характеризует главу семейства, который обладает стойкостью, твердостью характера, а в определенных обстоятельствах не спасует перед трудностями и будет упорно добиваться поставленной цели.

Кардинальный переворот, который происходит в мировоззрении отца, описывается в третьей части романа. Рихард Цурек не может согласиться с окончательным заключением следствия и закрытием дела, а потому с помощью адвоката Фойхтенберга подает гражданский иск, в котором требует денежной компенсации за расходы на погребение сына. При этом речь, безусловно, идет не о деньгах, а о возможности не дать похоронить дело Оливера в судебных архивах. Старший Цурек предпринимает этот шаг, хотя новое разбирательство заведомо обречено на провал. Театральный критик О.П. Буркхардт отмечает в своей рецензии: «Хайн не писал роман о РАФ. Его интересует судопроизводство. Боль родителей. Гражданское мужество отца, который выступил против намеренного искажения фактов, против могущественного союза юстиции и государственной власти» [11]. Как в этой связи не провести параллели с «Михаэлем Кольхаасом» (*Michael Kohlhaas*, 1810), ведь повесть Г. фон Клейста устойчиво ассоциируется в немецкой литературе с идеей безнадежной борьбы человека против государства? Основание для сопоставления двух произведений дает и сам К. Хайн, который еще в 1998 году в своей речи по поводу открытия VIII фестиваля им. Г. фон Клейста во Франкфурте-на-Одере уделил повести особое внимание, при этом отдельно остановился на личности главного героя и присущем тому чувстве справедливости. Отражение характера Кольхааса писатель находит, в том числе, и у террористов РАФ: «Как и Кольхаас, они были готовы отстаивать то, что считали справедливым, и карать мечом и огнем тех, кого считали виновными. Они были неправы, это не подлежит сомнению, но они, вероятно, считали, что их обманули, по меньшей мере, на две лошади» [12, с. 94].

Связь между произведениями рассматривается и в многочисленных отзывах на роман К. Хайна, при этом по аналогии с Михаэлем Кольхаасом Рихард Цурек не единожды именуется фанатиком, что является, на наш взгляд, неоправданным преувеличением. Напомним, что Клейст, осуждая лошадиного барышника, называет его одним из «самых страшных людей того времени» [13, с. 421], безбожником, «ангелом смерти», которому присуще «болезненно-уродливое самоупоение» [13, с. 444]. Борьба отца Оливера лишена радикальности, путь насилия для него неприемлем, хотя Лутц Имменфельд, старинный школьный друг и сослуживец, призывает Цурека расчехлить оружие и вступить в открытый бой. Сходство

⁹ В этой связи достаточно вспомнить Хорна (нем. Horn – рог, «Смерть Хорна»), Вилленброка (Wille – воля, brechen – ломать, «Вилленброк»), Хабера (Habe – имущество, собственность).

между бывшим директором гимназии и конноторговцем прослеживается скорее в том, что протест Цурека и бунт «бедного» Кольхааса, «одного из самых справедливых людей», как говорит Клейст, – это вынужденная мера, на которую обоим толкнула бездушная государственная машина.

Принципиальность Рихарда Цурека противопоставляется в романе бесхребетности средств массовой информации, которые стремятся не к передаче достоверных сведений, а озабочены повышением рейтингов и тиражей. Сначала газетные полосы открываются статьями под заголовками «Мать киллера» или «Отец убийцы и учитель наших детей» [7, с. 116], затем пресса и телевидение начинают говорить о «произволе и необузданности полиции» [7, с. 59], вслед за этим проходят сообщения об «алчности родителей террориста» [7, с. 254]. К. Хайн показывает, что деятельность СМИ, этой «раковой опухоли, разрастающейся и смертельно ядовитой» [7, с. 183] направлена на пробуждение в сознании людей предрассудков и низменных инстинктов.

Нарастающий духовный кризис отца, связанный с крушением жизненных идеалов, можно проследить и на уровне языка. Рихард Цурек, привыкший за долгие годы работы в школе к корректности, тщательно следит за своей речью и одергивает Герда Шмюкле, бывшего одноклассника Оливера, который время от времени вставляет в разговор экспрессивные словечки из лексикона террористов. Однако постепенно манера речевого поведения бывшего директора претерпевает существенные изменения. Рассуждая о сущности государства и некоторых политиков, он прибегает порой даже к бранным выражениям, что свидетельствует о ломке в сознании Цурека прежней системы ценностей. Последней каплей, решившей исход противостояния устоявшихся ценностей представлений и новых жизненных ориентиров, стал телефонный разговор отца Оливера с секретаршей бывшего министра внутренних дел, которому тот написал два письма. Госпожа Кёртис заявила Рихарду Цуреку, что он не вправе рассчитывать на ответ, так как «министр принципиально не отвечает на письма кляузнического характера» [7, с. 252]. Это оскорбительное замечание ввергает мужчину, свято чтившего кодекс учителя и данную государству клятву¹⁰, в состояние полного ошеломления.

В финале романа К. Хайн повествует о выступлении бывшего директора перед учениками гимназии, которое становится знаком окончательного разрыва между Рихардом Цуреком и государством. В своей речи он рассказывает о детстве Оливера, его знакомстве с Катариной Блуменшлегер, о событиях на вокзале в Бад-Кляйнене и последовавших за этим обманах. Выступление Цурека заканчивается словами: «Я принес клятву, присягу государственному служащего. Я поклялся добросовестно защищать конституцию и все законы страны. Но так как государство не соблюдает свои собственные законы, я свободен от этой клятвы. <...> Перед всеми Вами как свидетелями: я отрекаюсь здесь и сейчас от своей клятвы» [7, с. 267 – 268]. Поступок Цурека есть ничто иное как публичная акция идеалиста, свято верившего в существование образцового общества, но испытавшего глубочайшее разочарование. Он не боится лишиться пенсии, его не пугает возможность скандала. Своим выступлением бывший директор гимназии открыто продемонстрировал, что с утопией покончено, что утопия мертва, по крайней мере, в его сознании.

Цурек осознает, что совершил в своей жизни и другие ложные шаги. Он сделал роковую ошибку, когда стал во время первого ареста сына оказывать содействие следственным органам, устроившим в своем стремлении побороть терроризм средневековую охоту на ведьм. Арест, как оказалось в последствии, был безосновательным, но именно после этого Оливер начал именовать полицейских не иначе как фашистами и окончательно упрочился в своих радикальных настроениях.

«Наша человечность может привести нас к бесчеловечности, это абсурдно и возмутительно, но мне пришлось это пережить» [7, с. 192], – данные слова, вложенные К. Хайном в уста Катарины Блуменшлегер, можно, видимо, отнести ко всем причастным к этому делу сторонам: и к Рихарду Цуреку, и к его сыну-террористу, и к государству. Следует подчеркнуть, что писатель осуждает не меры, предпринимаемые государственными органами по обеспечению безопасности, а методы ведения борьбы, которые так же мало согласуются с демократическими принципами, как и война в Ираке, тюрьма в Гуантанамо, вмешательство во внутренние дела других стран.

Поднимая широкий спектр острых социально-политических и этических вопросов, К. Хайн заведомо обеспечил себе и своему роману пристальное внимание со стороны общественности. При этом автор вряд ли претендовал на звание «совести немецкой нации», которого в свое время был удостоен Г. Бёлль. Просто К. Хайн как гражданин и политически ангажированный писатель не может в своем творчестве обойти стороной волнующие его проблемы.

Окончательный вердикт роману «Сад в его раннем детстве» вынесет, безусловно, время, однако следует отметить, что уже сейчас по мотивам произведения поставлены спектакли в берлинском театре им. М. Горького (режиссер А. Петрас) и театре г. Гейльбронн (режиссер А. Форнам) и что в некоторых

¹⁰ Речь идет о «Клятве Сократа» – клятве учителей, сформулированной немецким педагогом Х. фон Хентигсом (Hartmut von Hentigs, 1925).

федеральных землях Германии роман значится в списках произведений, рекомендуемых для чтения в школах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Emmerich, W. Kleine Literaturgeschichte der DDR / W. Emmerich. – 2. Aufl. – Leipzig: Gustav Kiepenheuer Verlag, 1997. – 640 S.
2. Валеева, А.Р. Романы Кристофа Хайна: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / А.Р. Валеева; Нижегород. гос. пед. ун-т. – Ниж. Новгород, 1994. – 15 с.
3. Гладков, И.В. Проза Кристофа Хайна в контексте немецкой литературы последней четверти XX века / И.В. Гладков. – Москва – Новополец, 2002. – 144 с.
4. Hein, C. Chronist ohne Botschaft / C. Hein. – Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1992. – 315 S.
5. Hein, C. Interview "Es wird eine Armut geben, die Empörung auslöst" am 09.04.2004 / C. Hein // Spiegel Online Kultur [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: www.spiegel.de/kultur/literatur/0,1518,294606,00.html. – Дата доступа: 23.03.2011.
6. Lüdke, M. Die wilden Erdbeeren der DDR. Christoph Hein denkt mit "Frau Paula Trousseau": Ein großer Künstlerroman über eine scheiternde Egozentrikerin / M. Lüdke // Frankfurter Rundschau [Электронный ресурс]. – 23.05.2007. – Режим доступа: www.lyrikwelt.de/.../fraupaula-r.htm. – Дата доступа: 28.03.2011.
7. Hein, C. In seiner frühen Kindheit ein Garten / C. Hein. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2005. – 271 S.
8. Айххофф, Г. Вступление к речи Биргит Хогefeld «К истории РАФ» / Г. Айххофф // Иностранная литература [Электронный ресурс]. – 1996. – № 11. – Режим доступа: magazines.russ.ru/inostran/1996/11/chogefel.html. – Дата доступа: 30.03.2011.
9. Bartels, G. Kein Ort für Widersprüche / G. Bartels // taz.de [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: www.taz.de/dx/2005/01/28/a0199.1/text. – Дата доступа: 31.03.2011.
10. Sauermehlsuppe // Wikipedia: Die freie Enzyklopädie [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.de.wikipedia.org/wiki/Sauermehlsuppe. – Дата доступа: 11.03.2011.
11. Burkhardt, O.P. In seiner frühen Kindheit ein Garten – Axel Vornam inszeniert Christoph Hein in Heilbronn: Trauer auf der langen Bank / O.P. Burkhardt // nachtkritik.de [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: www.nachtkritik.de/index.php?option=com_content&task=view&id=2961. – Дата доступа: 16.03.2011.
12. Hein, C. Von den unabdingbaren Voraussetzungen beim Kleist-Lesen / C. Hein // Derselbe. Der Ort. Das Jahrhundert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2003. – S. 87 – 97.
13. Клейст, Г. Избранное. Драммы. Новеллы. Статьи / Г. Клейст. – М.: Худож. лит., 1977. – 542 с.